

Вадим Борисович Прозоров –

заместитель главного редактора научного
и общественно-политического альманаха
«Развитие и экономика»

Nihil novi, или Носорог секуляризма

1

Как простец, дивясь смене понтификов в Ватикане, я полагал бы, что папа Бенедикт ушел именно по той причине, которую он назвал, – преклонный возраст и немощь. К этой немощи можно, разумеется, пристегнуть разные идеологические и политические мотивировки отречения или назвать его проявлением идеологической и политической немощи, паралича воли. Кардинал Ратцингер и не стремился занять кафедру святого Петра. Когда ему исполнилось 70, он, будучи префектом важной конгрегации Римской курии, просил Иоанна Павла II освободить его от тягостного бремени и отправить туда, где он всегда чувствовал себя привольно, – в Ватиканскую библиотеку, чтобы он мог «посвятить себя исследованию интересных документов и материалов <...> подлинных шедевров, способствующих раскрытию истории человечества и христианства». Впоследствии папа Бенедикт вспоминал это прошение и сокрушался от того, что оно не было удовлетворено.

Стремясь избежать избрания, Йозеф Ратцингер выступил истинным григорианцем, следуя примеру, явленному преемникам святого апостола Петра отцом Церкви и римским епископом Григорием Великим, который, по легенде, даже бежал из Вечного города, чтобы не стать папой и не утратить заветное равновесие, обретенное в уединенной созерцательной жизни. Но, как и в случае с Григорием, для Ратцингера все было предрешено.

Через 7 лет после избрания папа Бенедикт продолжал помнить о последних годах понтификата Иоанна Павла II и, страдая от своей немощи и не желая подвергать Церковь испытанию в высокотоксичной среде секулярного мира, запросился на покой. Он ушел, а новым преемником святого апостола Петра избрали кардинала и архиепископа Буэнос-Айреса Хорхе Марио Бергольо. Это прелат давно известный, уважаемый в Новом и Старом свете, простой и правильный, умеющий принимать взвешенные, благотворные и порой нелицеприятные решения.

Его избрание никоим образом не должно привести к большим переменам в Католической церкви, положить начало всеохватывающим реформам или означать появление новой парадигмы папства. Он не из тех, которые рубят с плеча и увлекаются химерами. Да и нужды такой нет для Католической церкви, которая по-прежнему твердо стоит на скалистом основании, невзирая на бушующие вокруг штормы.

Пока складывается впечатление, что все останется как прежде — в русле традиционной политики Римской церкви, определенной Вторым Ватиканским собором и скорректированной постсоборными понтификами, а комиссии по реформам, усовершенствованиям и обновлениям в определенных областях всегда были и будут создаваться впредь для того, чтобы выполнять свои частные задачи с той или иной долей успеха, например, реформировать Институт религиозных дел —

Избрание Хорхе Марио Бергольо никоим образом не должно привести к большим переменам в Католической церкви, положить начало всеохватывающим реформам или означать появление новой парадигмы папства. Да и нужды такой нет для Католической церкви, которая по-прежнему твердо стоит на скалистом основании, невзирая на бушующие вокруг штормы.

так называемый Банк Ватикана, хотя он и без того приносит Святому престолу стабильный и немалый доход. Наблюдатели-конспирологи, насочинявшие занятные истории о связях масонских лож, мафии, Ватикана и недавно символично усопшего «черного папы» Джулио Андреотти, придают этому банковскому делу ключевое значение в устройении будущего Католической церкви. Для папской же канцелярии это рутинная процедура финансового тюнинга, практикующаяся со времен позднеантичных латеранских казначеев-аркариев.

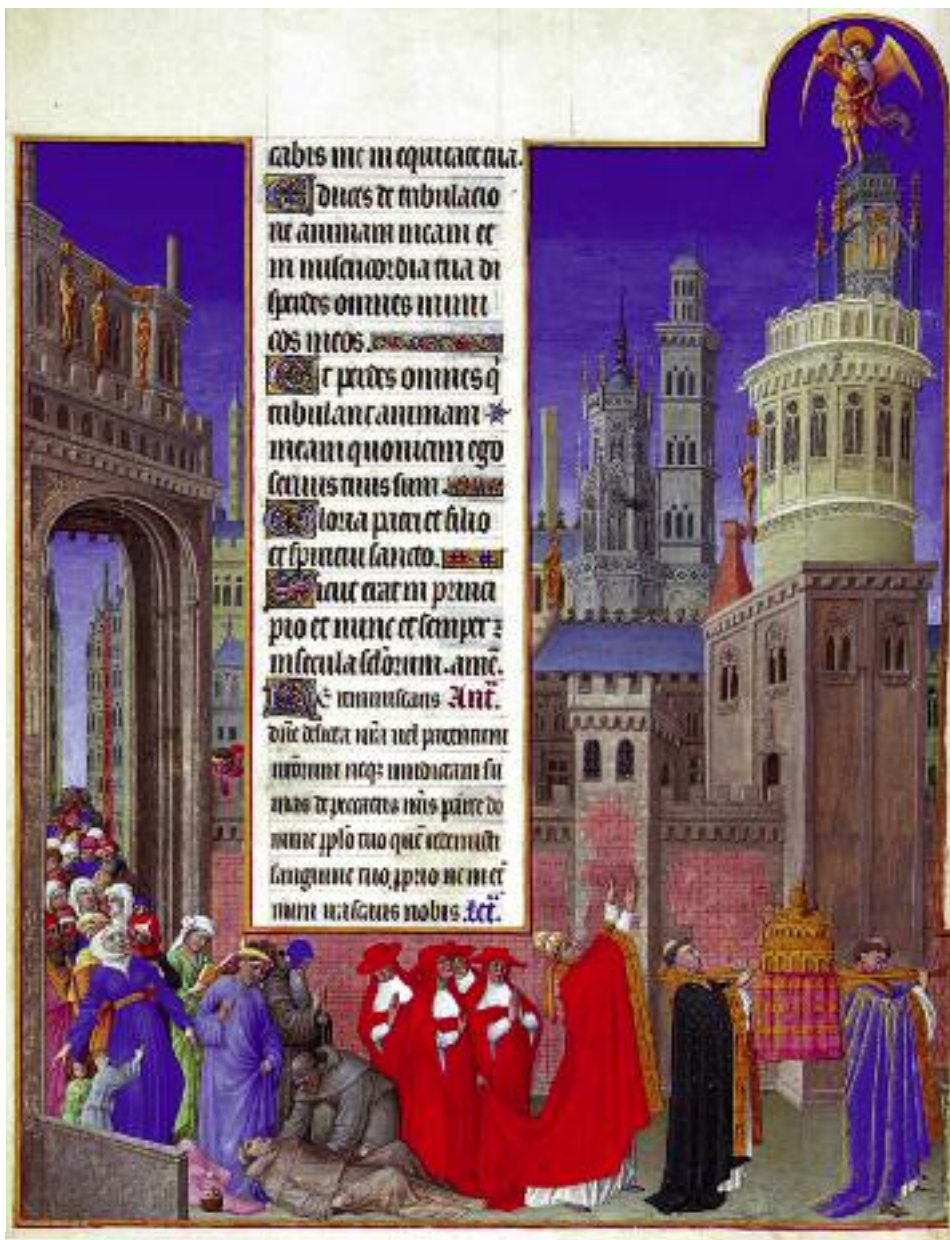
2

Если вообразить себя посвященным и попытаться читать

знаки, которые были поданы Ватиканом в последнее время, то может предстать такая картина. Поверим педофилам пера, насилующим младенческое чистодосочное сознание современного мира картинами грядущих мировоззренческих и социальных катастроф, и вообразим себе Католическую церковь в преддверии кляцающей острыми зубищами необъятной пасти дьявольски секулярного мира. В такой ситуации нужно накопить силы, сосредоточиться, сплотиться, чтобы противостоять адскому врагу — духу разобщения, индивидуализма, ненависти, одиночества и «спиритуальной светскости».

Некогда один великий папа, вступив на римскую кафедру в пору жесточайшего мора, на-

Процессия Григория Великого. Часослов герцога Беррийского. XV век

Когда папа поравнялся с мавзолеем Адриана, воздвигнутым на берегу Тибра, над гробницей императора (теперь здесь Замок святого ангела) появился архангел и вложил свой меч в ножны, подав тем самым знак, что мольба римлян, вновь ощутивших себя единым телом, услышана на небесах. Чума прекратилась. Подобного подвига могут ждать католики от нынешнего папы.

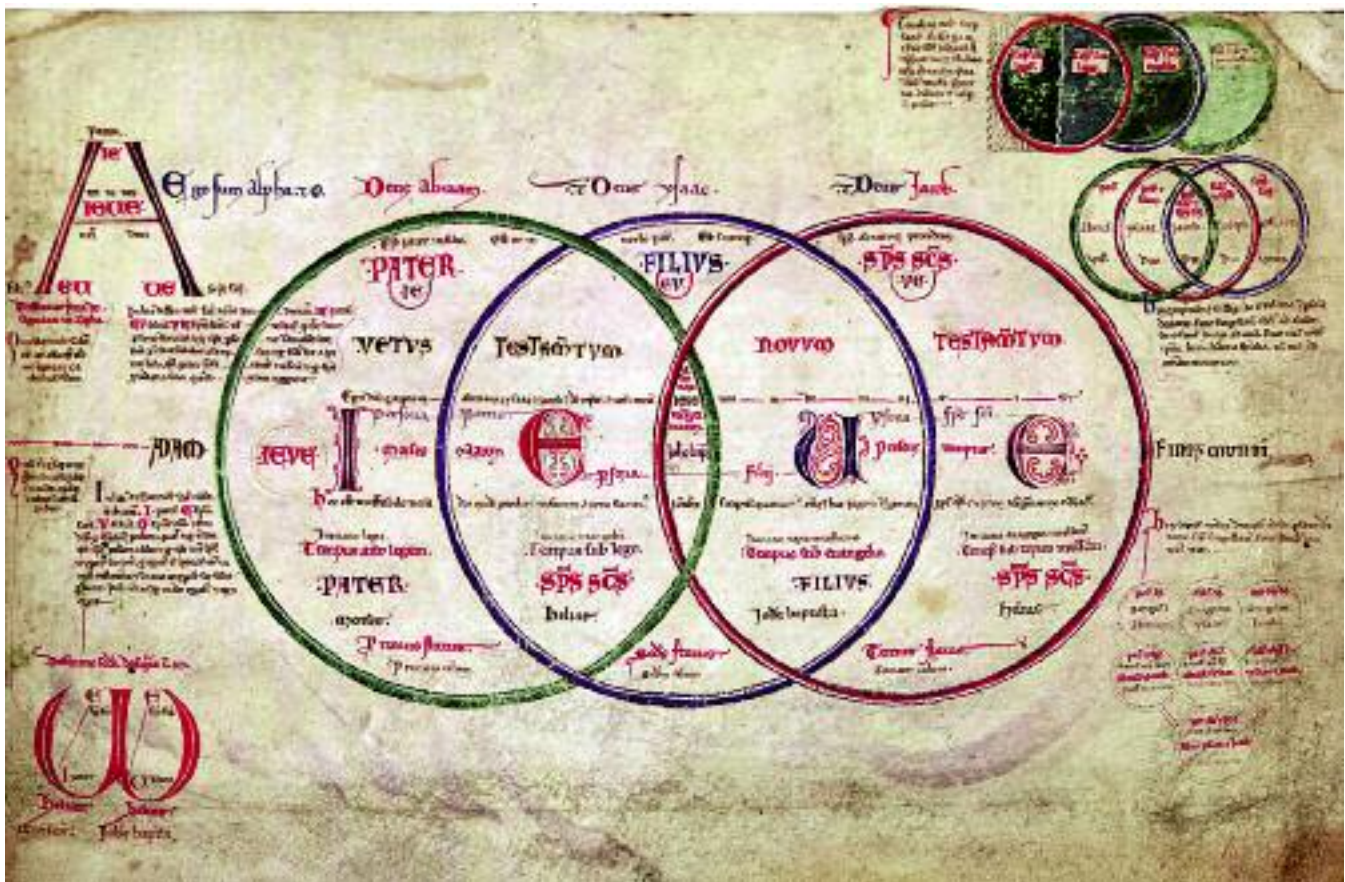
шествия иноплеменных и прочих напастей, вывел весь Рим на крестный ход. Процессия двигалась через Вечный город от Латерана к старой базилике Святого Петра. Многие падали замертво. Живые продолжали брести, вознося свои моления Богу. Когда папа поравнялся с мавзолеем Адриана, воздвигнутым на берегу

Тибра, над гробницей императора (теперь здесь Замок святого ангела) появился архангел и вложил свой меч в ножны, подав тем самым знак, что мольба римлян, вновь ощутивших себя единым телом, услышана на небесах. Чума прекратилась. Подобного подвига могут ждать католики от нынешнего папы. Ватикану

понадобятся чудесные силы, чтобы сладить с секулярной смутой и оправдать надежды миллионов верных.

Новый папа, как неоднократно подчеркивалось, иезуит. В связи с этим возникает (по крайней мере, в моем воображении) определенная апология его понтификата, зиждущаяся на мистическом основании католической традиции. В XII веке в Южной Италии жил один цистерцианец. Его считали мистиком и визионером, подозревали в ереси и миллениаризме, он же утверждал, что он ученый, пытающийся вывести исторические законы на основании Священного Писания.

Он предложил разные варианты интерпретации истории, один из которых предусматривал ее разделение на три эпохи, отчасти накладывающиеся друг на друга так, как это было изображено в его «Книге фигур». Это была проекция божественного триединства на человеческую историю. Соответственно первый этап — это эпоха Отца, второй — Сына и третий — Духа Святого. Эпохи перекрещиваются, взаимно проникают друг в друга, и потому их границы оказываются размытыми. Недоброжелатели ученого цистерцианца видели в последнем периоде тысячелетнее царство Божие на земле, предваряемое невиданным доселе столкновением добра и зла. Каждой эпохе в этой троице были свойственны свои движущие силы — новые люди, деятельность которых формировала общественный строй и церковный порядок. Именно они прокладывали пути эвангелизации в христианский период. Такими силами этому средневековому монаху представлялись монашеские ордена, выражавшие главные чаяния своего времени и способные отвечать на его вызовы. Последующая неискоре-

Иоаким Флорский. Книга фигур. XIII век

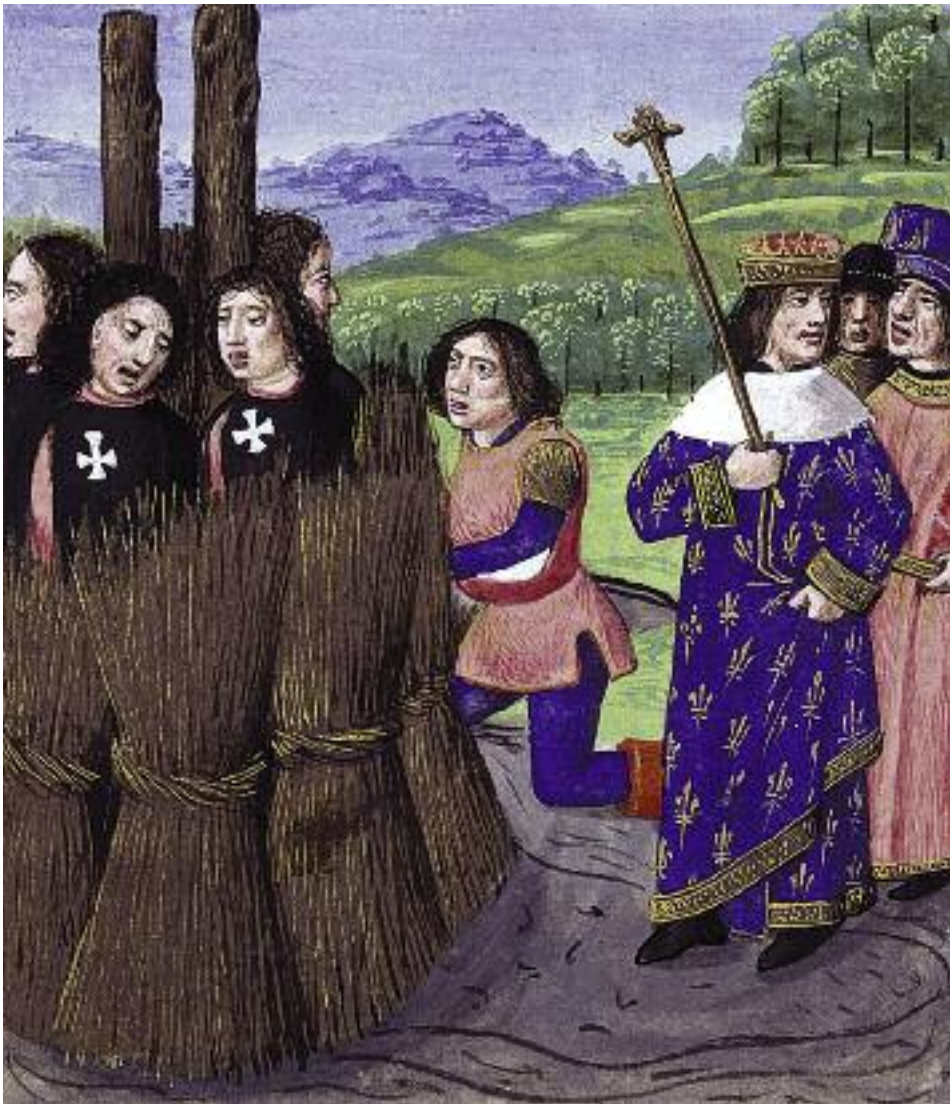
нимая традиция связывала первую эпоху после Боговоплощения с трудами святого Бенедикта Нурсийского, его последователей бенедиктинцев и цистерцианцев, преобразивших мир вокруг созерцательным уединением, молитвой и трудом. Вторую же ассоциировали с проповедью, простотой и нищетой жизни святого Франциска Ассизского и его братьев. Минориты явились тогда, когда завершилась эпоха умиленного сезонного нищенства крестьян, которые, чтобы добыть звонкую монету, приходили туда, где расточительная знать исправно выполняла свою обязанность — охотно давала подаяние. Настала пора современного нищенства со всеми ужасами и уродствами современного его типа. Францисканцы взяли на себя попечение о таких же нищих, как и они сами. Что касается последней эпохи или того ее сегмента, кото-

Иоаким Флорский предложил разные варианты интерпретации истории, один из которых предусматривал ее разделение на три эпохи, отчасти накладывающиеся друг на друга так, как это было изображено в его «Книге фигур». Это была проекция божественного триединства на человеческую историю. Соответственно первый этап — это эпоха Отца, второй — Сына и третий — Духа Святого. Эпохи перекрещиваются, взаимно проникают друг в друга, и потому их границы оказываются размытыми. Недоброжелатели ученого цистерцианца видели в последнем периоде тысячелетнее царство Божие на земле, предваряемое невиданным доселе столкновением добра и зла.

рый оказывался на пересечении трех эпох, то, пожалуй, именно иезуитов стоит благодарить (или, быть может, винить) за то, что католицизм выглядит ныне так, как есть. Иезуиты идеально совместили в своих трудах созерцательный порыв бенедиктинского монашества и деятельную проповедь францисканцев, исполнив завет папы Григория Великого, который видел идеал церковного служения в постоянной балансировке между созерцательным и активным модусами жизни, неустанным возвращением от

одного полюса к другому. Иезуиты своей миссионерской, пропагандистской и образовательной деятельностью создали католицизм Нового времени в Старом и Новом свете. Иезуиты, давно отвечающие за разработку папской идеологии, богословскими и организаторскими трудами способствовали успешной работе Второго Ватиканского собора, акты которого многие посторонние наблюдатели воспринимают как сдачу Католической церковью своих фундаментальных позиций под давлением секулярного

Сожжение тамплиеров. Миниатюра из рукописи Джованни Боккаччо «О несчастиях знаменитых людей». Около 1479–1480 годов

Возможно, иезуитам предстоит выступить одновременно проповедниками-францисканцами XXI века и администраторами-тамплиерами, некогда преданными и уничтоженными «проклятым» глумливым французским монархом и папой-основоположником «авиньонского пленения». Кстати сказать, против тех тамплиеров использовалось излюбленное оружие секулярного мира – обвинения в финансовых махинациях и плотских извращениях: тогда это была содомия, теперь же Церковь терзают подозрениями в укрывательстве священнослужителей-педофилов.

мира, а сочувствующие – как очередное проявление животельной идеи реформы, духа усовершенствования и обновления, присущего западному христианству и не раз явленного в его истории.

Один из архитекторов Второго Ватиканского собора – крупнейший католический богослов, кардинал-иезуит Анри де Любак – написал

двухтомное сочинение о духовном влиянии упомянутого выше монаха-цистерцианца, высоко оценивая его исторические изыскания, наблюдения и прозрения. После Второго Ватиканского собора де Любак упрекал Ратцингера за то, что его лоббистское рвение уничтожило одну из важнейших конгрегаций Римской церкви – Священную канце-

лярию, возглавляемую папой и являвшуюся главным инструментом управления Католической церковью. Она превратилась в конгрегацию вероучения, префектом которой с 1981 по 2005 год был кардинал Ратцингер. И вот теперь хорошо знавший де Любака его единомышленник и собрат Хорхе Бергольо сменяет на кафедре святого апостола Петра папу Бенедикта. Бенедикта заменяет Франциск. Должны ли мы видеть в этом сознательном выборе нового папы не только знак почитания великого святого, залог простоты и доступности римского епископа (именно так – а не папой – предпочитает титуловаться Франциск) и сигнал о его особом попечении о бедных, но и указание на то, что на смену созерцательно-ученому понтификату Ратцингера идет активно-проповеднический понтификат Бергольо, в котором иезуитам суждено еще раз сыграть роль «новых людей», движущей силы новой эпохи?

3

Пока папой Франциском заданы две цели для этой новой эпохи – евангелизация и реформа ватиканской администрации, а точнее – обновление апостольской конституции «Добрый пастырь» 1988 года, которая преобразила конфигурацию центрального управления Католической церкви, сложившуюся после Второго Ватиканского собора. Нет сомнений в том, что обе задачи имеют первостепенное значение для Церкви и взаимосвязаны, ибо без четкой коммуникации центра и регионов, без взаимного уважения и доверия в их взаимоотношениях невозможно создать благоприятные условия для евангелизации.

В истории папства широко-масштабные административные реформы часто станови-

лись предвестниками серьезных преобразований и потрясений европейского масштаба. Например, замена мирян монахами в администрации римского епископа при Григории Великом, ревностном стороннике и пропагандисте монастырского устава святого Бенедикта, ознаменовала формирование того средневекового христианского Запада от туманного Альбиона до Геркулесовых столбов, к которому мы все привыкли и который нам мнится между строк на пергаменте древних рукописей. Административные реформы в Римской церкви XI века послужили началом жестокого столкновения империи и папства, стремившегося обуздать «носорога светской власти». Победа папского единоначалия над соборным коллегиальным управлением на Базельском соборе разожгла костры Реформации. Что сулят административные реформы на этот раз? Удастся ли Католической церкви стреножить носорога секуляризма? Ответ на этот вопрос зависит от того, насколько успешным будет претворение в жизнь призыва папы Франциска к новой «сладостной и отрадной радости евангелизации». На этом поприще Западная церковь достигла впечатляющих результатов, и хотя значительная часть Европы последние полвека диссидентствует, тут у папы все же есть основания для оптимизма. Воинствующий секуляризм жизнеспособен до тех пор, пока его адепты пресыщены и потому сохраняют особую индивидуальность, «духовную светскость», завоеванием которой так гордится современный мир. Как только этот чумной пир закончится и наступят иные времена, церковное общение будет восстановлено и здесь. Новому варварству не удастся выскоблить пергамент, на который

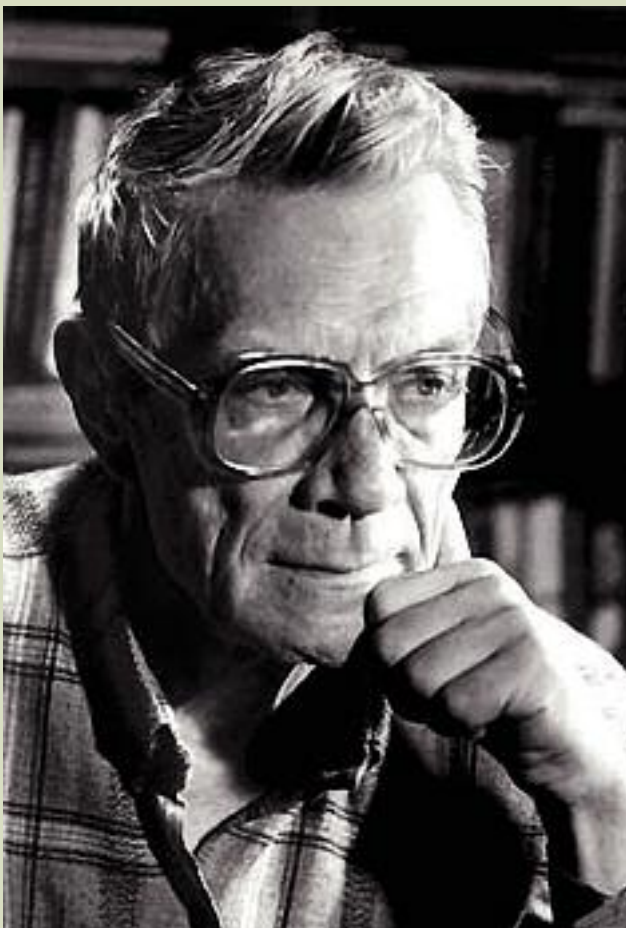
нанесены сакральные письмена прошлого. Это явление не органическое, оно силиконовое. В нем, как будто в силиконе, болтаются обрывки идей, мыслей, вопросов и ответов, но из этой каши не родится целостное мировосприятие, отсюда вытекает неспособность современности к идейным диспутам, ее готовность к шельмованию и травле.

Что же касается Нового света, представителем которого является и сам Франциск, то здесь католическая вера доказала свою стойкость в условиях жестоких диктатур и в столкновениях с прельстительными идеями «теологии освобождения», которой, тем не менее, даже политические колоссы типа Чавеса не помогли скрестить носорога с единорогом. И здесь иезуиты проявили и проявляют себя с самой лучшей стороны.

В архиве конгрегации пропаганды веры на Пьяцца-ди-Спанья в Риме хранятся бесчисленные тома донесений иезуитских миссий и служб из разных уголков мира. Свойственные им четкость и трезвость, глубина анализа и взвешенная вариативность предлагаемых действий свидетельствуют о том, что иезуиту по плечу исполнить обе задачи, стоящие ныне на повестке дня. Возможно, иезуитам предстоит выступить одновременно проповедниками-францисканцами XXI века и администраторами-тамплиерами, некогда преданными и уничтоженными «проклятым» глумливым французским монархом и папой-основоположником «авиньонского пленения». Кстати сказать, против тех тамплиеров использовалось излюбленное оружие секулярного мира — обвинения в финансовых махинациях и плотских извращениях: тогда это была содомия, теперь же Церковь терзают подозрениями в укрывательстве свя-

щеннослужителей-педофилов. Сильным подспорьем в евангелизации является социальное учение Католической церкви, основанное на идеях социальной справедливости, милосердия и солидарности. Для осуществления этого учения недостаточно одних институтов и орденов. Хотя они неустанно стараются воплотить его в жизнь. Например, Мальтийский орден, созданный некогда для охраны и врачевания паломников к иерусалимским святыням, продолжает исполнение своей миссии в современном мире — в разных его концах и в любых, порой самых невероятных, условиях. Исполнение многих социальных программ ООН возложено именно на Мальтийский орден, обладающий прекрасно отлаженной инфраструктурой в мировом масштабе. Поэтому назначение рыцаря этого ордена главой так называемого Банка Ватикана воспринимается в католическом мире как добрый знак дальнейшего переосмысления Ватиканом задач социального служения Церкви.

Исполнение социальной программы требует всеохватности, здесь следует навалиться всем миром. Если уж рассуждать совсем идеалистически, то Католической церкви нужен папа-харизматик, который в каком-то смысле явил бы чудо, провозгласил бы крестовый поход за милосердие и социальную справедливость, который сплотил бы католиков во имя спасения добрыми делами. Иными словами сейчас необходим не замечательный святой Фома Аквинат в лице Йозефа Ратцингера, а святой Франциск, который вдохновенно и прозорливо сможет поднять католиков — прежде всего европейцев — на дела благотворительности, милосердия и христианской солидарности для их же спасения.

Вадим Кожинов

Из книги «Черносотенцы и революция»

«Тот очевидный факт, что сегодня так или иначе продолжается политическая и идеологическая борьба, начавшаяся на рубеже XIX–XX веков (например, если выразиться наиболее кратко и просто, борьба между “капитализмом” и “социализмом”), побуждает прийти к существенному выводу: история России XX века (в отличие от истории XIX и предшествующих веков) еще не стала для нас в истинном смысле слова прошлым, мы еще в сущности не можем смотреть на нее из действительного будущего – то есть из иной, “новой” исторической эпохи, наступающей тогда, когда итоги предыдущей так или иначе подведены и о них в самом деле можно судить беспристрастно.

Всякое государство организуется и строится своим ведущим слоем, живым отбором своих правящих сил. Всегда и всюду правит меньшинство: в самой полной и последовательной демократии – большинство не правит, а только выделяет свою “элику” и дает ей общие, направляющие указания. И вот

судьбы государств определяются качеством ведущего слоя: успехи государства суть его успехи; политические неудачи и беды и беды народа свидетельствуют о его неудовлетворительности или прямо о его несостоятельности – может быть, о его безволии, безыдейности, близорукости, а может быть, о его порочности и продажности. Такова судьба всех народов: они расплачиваются унижениями и страданиями за недостатки своего ведущего слоя. Однако эти унижения и страдания являются не только тягостными последствиями совершенных ошибок или преступлений; они являются в то же время подготовкой будущего, школой для новой элиты; они длятся лишь до тех пор, пока эта новая национальная элита не окрепнет религиозно, нравственно и государственно. В этом – смысл исторических провалов, подобных русской коммунистической революции: в страданиях рождается и закаляется новый дух, который в дальнейшем поведет страну».

Александр Зиновьев

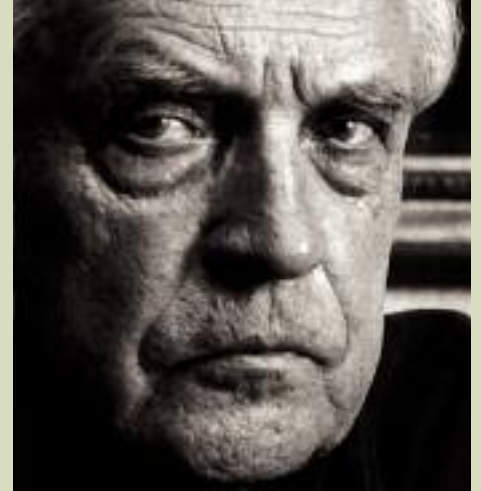
Из книги «Русская трагедия (гибель утопии)»

«Сложившаяся на планете ситуация с полной очевидностью обнаруживает то, какую огромную роль в жизни, в эволюции человечества играет идеология. Без коммунистической идеологии была бы невозможна победа революции и построение коммунистического социального строя в нашей стране, была бы невозможна победа в войне с Германией, было бы невозможно превращение страны в сверхдержаву. Спад и кризис советской идеологии стал началом и одной из главных причин краха Советского Союза и советского социального строя. Холодная война Запада, возглавляемого США, против нашей страны велась прежде всего как война идеологическая. Идеология антикоммунизма была одним из оснований интеграции стран Запада в единое западнистское сверхобщество».

■ «Когда речь заходит об идеологии, обычно имеют в виду лишь один компонент этого социального объекта, а именно – определенную совокупность идей, выражаемых словами, фразами, текстами. Буду употреблять для их обозначения выражение “идеологические учения”. Но эти идеи (учения) не возникают, не существуют и не распространяются сами по себе. Их изобретают, сохраняют и распространяют определенного рода люди. Назову их идеологами. Совокупность таких людей образует второй компонент идеологии как социального объекта. Назову его идеологическим механизмом».

■ «Не любая совокупность идей образует идеологическое учение

(идеологию как учение, короче говоря, идеологию), а лишь особая. Она отличается от политических, юридических, научных, литературных, бытовых и всех прочих текстов комплексом признаков, включающим тип содержания идей, цели, правила построения, структуру, способы распространения, критерии оценки и другие признаки. Идеологических учений было много в прошлом и много существует в наше время. Это явления исторические в том смысле, что возникают, какое-то время живут, то есть овладевают умами и чувствами каких-то множеств людей, и умирают, то есть выходят из практического употребления, забываются и даже исчезают из человеческой памяти бесследно. Одни из них живут недолго и охватывают небольшое число людей, другие живут десятилетия, столетия и даже тысячелетия и охватывают огромные массы людей, многие миллионы. Влияние одних на жизнь людей и на ход истории ничтожно, другие же определяют весь образ жизни людей и характер целых народов и исторических эпох. Примером идеологий глобального и эпохального масштаба являются известные мировые религии и марксизм. Примером маленьких (частных и кратковременных) идеологий могут служить идеологии партий, общественных движений, сект. И по текстуальным размерам одни учения могут состоять из небольшого числа фраз, которые можно записать на нескольких страницах, и могут включать в себя огромное число всякого рода сочинений, на профессиональное изучение которых тратят целую жизнь бесчисленные специалисты.

Специфическая цель (и функция) идеологического учения (идеологии) – не познание реальности, не развлечение, не образование, не информация о событиях на планете и т.д. (хотя все это не исключается), а формирование у людей определенного и заранее планируемого способа мышления и поведения, побуждение людей к такому способу мышления и поведения, короче говоря, формирование сознания людей и управление ими путем воздействия на их сознание. Идеология изобретается для того, чтобы выработать у тех, для которых она предназначена, некоторый априорный и стандартный способ понимания окружающих человека явлений реальности и жизни людей, стандартное отношение к ним (оценку), стандартное поведение в ситуациях определенного вида. Подчеркиваю: идеология учит людей тому, что они должны думать о тех или иных явлениях бытия, как их оценивать и как поступать в тех или иных случаях. Можно сказать, что идеология дает людям априорную систему социальных координат, позволяющую им ориентироваться в социальной среде».